

Первоначально в совместном творчестве тяготели к мистико-фантастическому направлению (повести **«Творец»**, **«Билет в посмертие»**, **«Отсечь зло»**). Постепенно эти мотивы отходят на второй план. Предметом изображения становится напряженная внутренняя жизнь героев, проявленная в поисках и обретении веры, надежды, любви. Кульминация произведений зачастую — сам момент преобразования из ветхого в нового человека. С. отдают значительную дань жанру притчи, инсказательно рисуя путь совр. героя сквозь соблазн, шаткость окружающего мира к твердой духовно-нравственной основе Православия.

Чаще всего герой С.— молодой человек «интеллигентной» профессии (художник, фотокорреспондент, писатель), наш современник с «раздерганной душой». Ему, оторванному от жизни простых людей, предстоит как бы новое знакомство с родным народом, трудное перерождение из существа космополитического и отвлеченного — в личность, в человека, способного любить и сострадать (повесть **«Жизнь в кайф»**).

Повесть **«В поисках славы»** рассказывает о том, как студент ун-та, сын офицера, «младолитератор» знакомится на Грушинском фестивале с будущими друзьями, «бардами-историками», один из которых — поэт, а другой — воин, побывавший в «горячей» точке. Три молодых человека во время дружеской пирушки вроде бы в шутку делят то, чем «стоит на свете обладать», — славу, женщин и деньги. События оборачиваются таким образом, что слава для героя обращается в «беславие», деньги у поэта улечиваются, а отношения воина с женщинами из-за ранения становятся братско-сестринскими. Увидеть сквозь черты обыденности другой смысл помогает герою «золотая греза» (мистико-символический план повествования), и он угадывает в своих друзьях возвышенные образы Рыцаря и Солдата, давно драгоценные для его собственной души. Внезапно открывшийся высокий смысл реальности позволяет родиться выводу-восклицианию: «До чего блаженна жизнь!»

Душевная радость, всегда сопутствующая внутреннему преобразению, создает светлый, жизнеутверждающий настрой произведений С.

В церковных изданиях (а с 2005 — и в светских) авторы печатаются под своими собственными фамилиями.

Соч.: Исторический проезд. Саранск, 1993; Ныне отпущаеши... // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Витебск,

1994; Русский костер: Рассказы-притчи. Саранск, 2000; Особенности люди: повести. Саранск, 2000; Заснеженная Палестина: Эссе, рассказы, статьи. Саранск, 2001; Пьесы. Саранск, 2002; В поисках славы. Саранск, 2005.

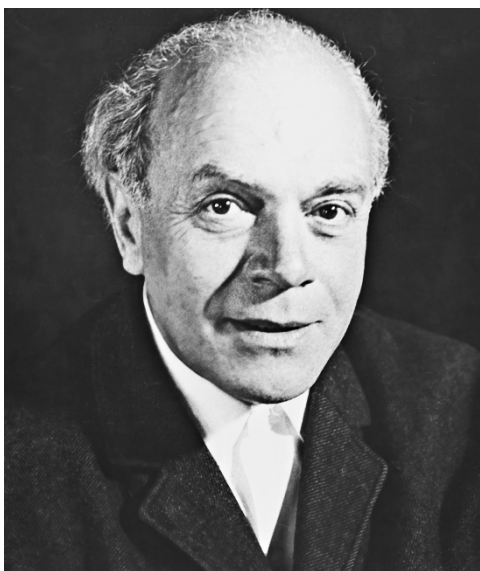
Лит.: Васильев Н. Пьесы одной семьи, или Смородины в новом ампула // Известия Мордовии. 1995. № 93; Вербиева А. Август: и тут в свидетели призвали мы отцов // НГ Ex libris. 1998. № 35; Лыткина Т. Смородиноведение или Смородиновидение // Мордовия — 7 дней. 1998. № 51; Бородин Л. «Одни шли в лагерь, другие писали раскаяния...» // Книжное обозрение. 1999. № 18–19; Жаткин Д. «Я влип в этот город, как муха в клей...» // Аргументы и факты [приложение «Пенза — Саранск»]. 1999. № 20; Герчук Е. Безумство храбрых // НГ Ex libris. 2000. № 44; Ремизова М., Урицкий А. Сентябрь: не храм, но банк // Кулиса НГ. 2000. № 14; Ляшева Р. Пернатый викинг глобалистам не по зубам // Лит. Россия. 2001. № 12; Ляшева Р. Зерна в борозду // Лит. Россия. 2001. № 47; Ляшева Р. Кольца и христианство // Лит. Россия. 2002. № 21; Кокшенева К. Россия — навсегда // Москва. 2002. № 6; Кокшенева К. «Все та же любовь...» // Наш современник. 2002. № 7; Василевский А. Библиографические листки // Новый мир. 2002. № 7; Василевский А. Библиографические листки // Новый мир. 2003. № 6; Петрухин В. Искры любви из окаменевшего сердца // Мордовия — 7 дней. 2002. № 34; Огрызко В. Изборник // Лит. Россия. 2002. № 51; Рычкова О. Начало начал // Лит. газета. 2003. № 2–3; Гагаев А. Философия и логика рассказа К. и А. Смородиных «Остров» // Философская и культурно-типическая антропология. Саранск, 2003. С. 143–147.

К. А. Кокшенева

САМОЙЛОВ Давид (настоящее имя Давид Самуилович Кауфман) [1.6.1920, Москва — 23.2.1990, Таллин; похоронен в эстонском городе Пярну на Лесном кладбище] — поэт.

В 1938–41 учился в ИФЛИ. Участник Великой Отечественной войны. Печататься начал в 1941: в ж. «Октябрь» (№ 3) в подборке «Поэзия студентов Москвы», организованной И. Сельвинским, было опубликовано под его настоящей фамилией (псевдоним в память об отце появился после войны) стих **«Охота на мамонта»**. Первый сб. стихов **«Ближние страны»** вышел в 1958. За ним последовали: **«Второй перевал»** (1963), **«Дни»** (1970), **«Равноденствие»** (1972), **«Волна и камень»** (1974), **«Весть»** (1978), **«Избранное»** (1980), **«Залив»**, **«Улица Тооминга»**, **«Линии руки»** (все — 1981), **«Времена. Книга поэм»** (1983), **«Стихотворения»** (1985), **«Беатриче»** и **«Горсть»** (1989), двухтомник **«Избранные произведения»** (1989) и др.

Поэтическое мировосприятие и стиль С., основанные на глубоком чувстве истории

Д. Самойлов

и преемственности культурных традиций, являются в основном реалистическими, с некоторой долей фантастического романтизма, родственными главным образом гармоническому мировосприятию и стилю Пушкина и Ахматовой. С. и современность воспринимает как историю. Он не идет по горячим следам событий и тем более не стремится опередить время; ему «обычно необходим хронологический разрыв, и значительный, между впечатлением и его поэтическим воплощением» (Баевский С.— С. 69) для того, чтобы субъективно воспринятое и пережитое несколько отстранилось, обрело внутренний строй и внешнею рельефность, свойства исторического объекта. Именно потребность во временной дистанции объясняет, почему первая книга поэта вышла только 13 лет спустя после войны, почему проходят годы между появлением его первой и второй, второй и третьей книг, почему, наконец, С. количеству опубликованных произведений предпочитает их качество.

Ключевым, заглавным стих. поэта, его худож. паролем стало стих. «Сороковые», которым открывалась книга «Второй перевал»: «Сороковые, роковые, / Военные и фронтовые, / Где извещены похоронные / И перестуки эшелонные. / Гудят накатанные рельсы. / Просторно. Холодно. Высоко. / И погорельцы, погорельцы / Кочуют с запада к востоку...» Рок, неотвратимая судьба, несущая гибель человеку,— важнейший атрибут трагедии. Панорама трагических «сороковых,

роковых» дана С. в движении, ход которого слышится в рокочущем перестуке вагонных колес, выразительно переданном в звуковой инструментовке стиха. Три безличных предложения: «Просторно. Холодно. Высоко» — говорят о том, что происходящее трагическое событие, при всех своих неисчислимых утратах и бедах, относится к числу высоких трагедий, т. е. поэт косвенно, иносказательно дает понять, что идет война великая, освободительная. По контрасту с высоким, трагическим, движущимся историческим событием себя поэт рисует в статике и с бытовыми, будничными подробностями: «А это я на полустанке / В своей замурзанной ушанке, / Где звездочка не уставная, / А вырезанная из банки. / Да, это я на белом свете, / Худой, веселый и задорный. / И у меня табак в кисете, / И у меня мундштук наборный. / И я с девчонкой балагурю, / И больше нужного хромаю, / И пайку надвое ломаю, / И все на свете понимаю». В отличие от трагического фона, настроение молодого бойца, только что выписавшегося из госпиталя и ждущего, вероятно, новой отправки на фронт, непременно и жизнерадостно. Герой противопоставляет смерти своей физической молодостью, своим юношеским жизнелюбием, которые в данном случае приобретают бытийный характер. Такое мировосприятие в общих чертах сохранится и в последующем творчестве поэта.

С первых же шагов поэзии С. обращается и к более отдаленному историческому прошлому России, причем это национальное прошлое олицетворяется для него не столько именами царей и политических деятелей, сколько именами любимых поэтов: Державина, Батюшкова, Пушкина, Дельвига, Блока. Еще в первой книге поэта критика отметила глубокое постижение духа и смысла исторического прошлого в небольшом цикле «**Стихи о царе Иване**». В книге «Дни» появляются шедевры исторической поэзии С.: стих. «**Пестель, Поэт и Анна**» и «**Блок. 1917**». В первом из них, давая выразительную характеристику Пестелю и Пушкину, С. показал различие в восприятии и постижении жизни политиком и поэтом: Пестель, считающий, по словам Пушкина, что любовь «полезна лишь для граждан умноженья», постигает жизнь разумом, а Пушкин — сердцем, и его восприятие оказывается полнее, богаче и глубже, чем у однолинейного политика Пестеля.

В стих. «**Блок. 1917**» С. достаточно верно передал восприятие событий 1917 автором гениальной и пророческой поэмы «Двенад-

цать». Воспринимая революцию, Блок, по словам С. «видел ангела, звезду, / Он слышал флейту, и на льду / Невы он видел полынью / Рождественской купелью». Однако в отличие от евангельского Рождества революционное рождество 1917 оказалось странным и ледяным, и эта странность заключалась главным образом в том, что теперь евангельские ясли оказались пустыми. Если говорить языком блоковской поэмы, то это значит, что свобода пришла «без креста», а революционное рождество — без Христа, и в этом один из источников трагедии революционного народа. Революционное рождество с пустыми яслями, без Христа, духовно неполноценно и чревато трагическими последствиями. Стих. С. заканчивается картиной, изображающей, как метель заносит рождественскую купель революции: «На город с юга шла метель. / Замолкли ангел и свирель. / Снег запорашивал купель. / И все в снегу затмилось...»

Со временем, кроме исторической поэзии, в творчестве С. все большую роль начинает играть лирика пейзажная, медитативная, философская и любовная. Незадолго до смерти поэт предается размышлениям о любви в цикле «Беатриче», изданном сначала отдельно (Таллин, 1989), а затем вошедшем в книгу стихов «Горсть» (1989).

Лирика С. в своем развитии постоянно тяготела, с одной стороны, к медитативности, а с другой — к повествовательности. Тяготение к повествовательности объясняет, почему поэт на протяжении всей своей творческой жизни плодотворно работал в жанре драматической поэмы. Поэмы С. связаны в основном с излюбленными им историческими темами: недавней истории — войне и послевоенному времени посвящены поэмы «**Ближние страны**», «**Чайная**», «**Снегопад**» и «**Юлий Кломпус**», послепетровским временам — «**Сухое пламя**» и «**Сон о Ганнибале**», эпохе Александра I и декабристов — «**Струфиан**». Неопределенны по времени действия «**Цыгановы**», «**Последние канникулы**» и «**Старый Дон-Жуан**». Весьма интересна по содержанию и по форме эпико-буколическая поэма, или, по-другому, эпическая идиллия «**Цыгановы**», в которой С. попытался показать бытийные основы крестьянской жизни и положительные стороны русского национального характера.

Большое место в творчестве С. принадлежит переводам из польской, сербской, украинской, литовской, латвийской, эстонской, болгарской поэзии, из произведений Л. Арагона, Г. Аполлинера, Брехта, Ф. Г. Лорки,

Н. Хикмета и др. поэтов. Небольшая часть переводов С. вошла в его сб. «**Поэты-современники**» (1963), вышедший в серии «Мастера поэтического перевода».

Немалый интерес представляет проза поэта, составившая книгу «**Памятные записки**» (1995). Здесь дан богатый автобиографический материал, осмысление литературной жизни, в особенности той, участником которой был сам С. Среди воспоминаний о молодых поэтах фронтового поколения выделяется очерк «**Друг и соперник**», посвященный Б. Слуцкому. Содержательны заметки об А. Ахматовой, Б. Пастернаке, П. Антокольском, И. Эренбурге, Н. Заболоцком, М. Петровых, Вс. Иванове, А. Солженицыне и др. писателях.

Соч.: Избранное / вступ. статья С. Чуприна. М., 1980; Книга о русской рифме. 2-е изд., доп. М., 1982; Стихотворения. М., 1985; Избранные произведения: в 2 т. / вступ. статья И. Шайтанова. М., 1989; Возвращение: поэма // Октябрь. 1989. № 5; Из дневника // Лит. обозрение. 1990. № 11; Из лит. наследия // Октябрь. 1991. № 9; В кругу себя: Пародии, эпиграммы, посвящения, мистификации. М.; Вильнюс, 1993; **Памятные записки**. М., 1995; Перебирая наши даты. М., 2000.

Лит.: Сидоров. Е. Смысл и форма: О стихах Давида Самойлова // День поэзии. 1971. М., 1971; Мусатов В. Стихотворение Д. Самойлова «Постель, Поэт и Анна» // Анализ отдельного худож. произведения. Л., 1976; Руднев В. Четырехстопный ямб Давида Самойлова // Материалы республиканской конференции. Тарту, 1977. (Русская филология); Дыханова Б. Пушкиниана Д. Самойлова // Подъем. 1981. № 6; Баевский В. Давид Самойлов: Поэт и его поколение. М., 1986; Истогина А. Д. Самойлов. «Горсть»: Стихи // Лит. обозрение. 1990. № 8; Графов Э. Проза жизни Давида Самойлова // Известия. 1995. 7 июля. № 124.

М. Ф. Пьяных

САНГИ Владимир Михайлович [18.3.1935, стойбище Набилъ, восточное побережье о. Сахалин] — прозаик, поэт.

Первый писатель малочисленной народности коренных жителей о. Сахалин (4500 человек в 1985), называющей себя нивгун (в ед. ч.— нивн). Мать С. принадлежала к древнему роду нивгун Кевонг. Дата рождения писателя (18 марта) неточная, так как вопрос о ней встал только в момент получения паспорта.

Когда С. исполнилось 3 года, его отца арестовали по навету и вскоре расстреляли. Владимир, его мать, слепая бабушка, сестра и брат остались без кормильца и могли рассчитывать только на мизерную помощь соседей. В одном из ранних рассказов «**Первый выстрел**» С. описывает свои детские впечат-